

Илья Бояшов

БЕЗУМЕЦ И ЕГО СЫНОВЬЯ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Илья Бояшов

Безумец и его сыновья

«Издательство К.Тублина»

Бояшов И. В.

Безумец и его сыновья / И. В. Бояшов — «Издательство
К.Тублина»,

ISBN 978-5-8370-0588-6

Бояшов выводит на свет архетипы русского подсознания. Он написал то, что должно быть написано. За что ему спасибо. П. Крусанов Текст Ильи Бояшова я определил бы как художественный образ русской идеи – в некотором смысле по своей убедительности этот образ превосходит многие философские выкладки, озвученные в спорах славянофилов и западников. А. Секацкий Бояшов был первым редактором Стогова. Прочитав «Безумца», я до сих пор в недоумении – почему Бояшов Стогова не убил? В. Назаров

ISBN 978-5-8370-0588-6

© Бояшов И. В.
© Издательство К.Тублина

Илья Бояшов

Безумец и его сыновья

*Дедам своим, Петру Васильевичу Арбузову и Терентию
Демьяновичу Бояшову, посвящаю*

Осенью злосчастного 1943 года по затерявшейся в болотах северной русской земли одноколейке шел поезд с эвакуированными детьми. На него налетел немецкий самолет, бомбы снесли рельсы и вздыбили паровоз. Пламя принялось греть холодное осеннее небо. А одинокий воздушный зверь развернулся и еще раз на бреющем пролетел вдоль загоревшегося состава, и поставил крест своей хищной тени на вагонах. Дети, белея рубашками, как горох, посыпались из теплушек. Взрослые, которые ехали с ними, были убиты взрывами. Дети, оставшись без провожатых, заплакали и заметались по насыпи.

При виде посыпавшихся и разбегавшихся ребятишек даже у фашиста пропало желание жечь и громить – он не стал их расстреливать и исчез в облаках. И повсюду в прежде молчаливых болотах теперь зазвенели детские голоса, и по мху, по болотной жиже во все стороны потянулись следы.

Из всего эшелона осталась в живых лишь одна немая девочка; отбившись от остальных, она заблудилась, ушла в сторону и каким-то чудом наткнулась на одинокую землянку, в которой жила старуха-знахарка. Старуха приняла и согрела ее. А остальные были обречены! До холодов они еще бродили по этой разоренной земле, глодали кору, пили из луж и спали в бомбовых воронках, прижавшись друг к другу и пытаясь хоть как-то согреться. Но вот пришли заморозки и следом за ними – верная смерть, ведь детишкам некуда было деваться, а они были очень маленькими.

На одном из холмов той земли раньше стояла деревня. Все ее избы сгорели. Оставшиеся в живых женщины возле пепелищ вырыли себе жалкие землянки и ютились в них со своими чахлыми ребятишками.

Некоторые дети из того сгоревшего эшелона добрались до холма, стучались в землянки, умоляя дать им хоть какой-нибудь еды. Но женщины не могли впустить пришлых в свои тесные убогие норы и ничего из еды не могли им дать, им было не до пришельцев. Они тщетно пытались спасти своих детишек, но те умирали один за другим.

Однажды утром одна из обитательниц жалких землянок, Валентина, ссохшаяся, оглохшая и ослепшая от грохота и жара войны, увидела, что ее трехгодовалые сыновья мертвы. Близнецы умерли в одну ночь и лежали, обнявшись, словно не желали и после смерти расставаться друг с другом. Валентина взяла холстину и завернула в нее своих деток. Никто из соседей не выглянул из своих землянок на ее плач, лишь из ям на краю сожженной деревни, когда она поволокла холстину к кладбищу, вылезли маленькие пришельцы и заскулили, прося хлеба.

У Валентины не было сил дотащить до кладбища свою скорбную ношу, она добралась лишь до ближнего холма, сотворила лопатой вечную спаленку своим сынкам и, завалив ее землей, упала на холмик. И обратилась к Богу. Вот что она шептала:

– Я не могу больше жить! Возьми меня к себе, Господи, как взял моих бедных деток. Нет уже никаких сил оставаться на этой земле...

Чужие дети стояли в отдалении, не смея приближаться, они едва держались на ногах.

А Валентина все всматривалась в дождливое небо и просила и за себя, и за тех, кто еще был жив:

– Боженька, прекрати наши мучения! Сделай хоть что-нибудь, милосердный Боженька!

Ответом были лишь шорох дождя и поскуливание чужих детей. И, обессилив плакать, Валентина добрела до своего жилища. Она упала на лежанку, приготовившись к смерти, но

вместо погибели к ней пришел сон, который длился всю долгую зиму; это было чудо, но она проспала до весны и осталась живой!

А детишки-пришельцы, когда выпал первый снег, все до одного замерзли в своих ямах.

Весной в сожженную деревню явилась старуха, ведя за руку спасенную девочку.

Оказалось, что, кроме Валентины, еще несколько женщин спаслось той зимой. Аглая (так звали знахарку) обнаружила их спящими. Знахарка поставила на поляне перед землянками котел; в нем варились молодая, только что пробившаяся крапива, болотные луковицы и целебные коренья. Едва остудив варево, старуха полезла в землянки, принялась будить спасшихся и вливать в них свое горькое лекарство.

– Бог не взял меня, – прошептала Валентина старухе. – Но нет моих сил, Аглая. Как жить мне без своих деток? Как мыкаться без дома?

Старуха заплакала. И, вытирая слезы, так сказала осиротевшей:

– Милая доча. Последние остались капли, последние наши слезоньки. Вот-вот переполнится чаша. Наступают уже Его времена. Пошлет Господь вперед себя вестника! Не может уже не послать. Скоро явится ангел. Перед его приходом будут знамения и чудеса. Не удивляйся им, молчи о том, доча! Жди и молчи! Не дано нам видеть Божий промысел, но знай – недолго уже терпеть...

– А как мне узнать ангела? – спрашивала Валентина. – Каков он из себя?

– Ты ли его не увидишь! – ответила старуха. – Неужели не отличить его от остальных людей, если даже он не будет лететь над землей, а явится простым человеком – глаза его выдадут, походка выдаст его, дела, которые он будет делать, сразу скажут, кто перед тобой.

Аглая поцеловала спасенную и поспешила к другим землянкам.

Убедившись, что жизнь в деревню возвращается, и напоив всех своим целебным отваром, она покинула холм. Безымянная девочка шла, цепко схватившись за ее сухую руку.

А женщины выползли из убежищ. Кроме Валентины, остались в живых Агриппа, Мария, рыжая Наталья и малая ростом Татьяна.

В болотах за землянками рябило озерцо – они пошли к нему. И на берегу сорвали с себя истлевшие ватники и ветхие платья. Они натирали друг друга глиной, расчесывали пальцами волосы и терли ссохшиеся упавшие груди, а затем купались в озерце.

За камышами, болотами и каменистыми северными холмами уже родился теплый ветер. Он ласково обдувал их. Повсюду – по берегам топкого озерца, в болотной тине – возились лягушки. В каждой ямке, заполненной водой, дрожала их икра.

Голод был невыносимым. Женщины нагибались, хватали лягушек и насыщались их водянистым мясом, и ели их икру.

Наконец снег исчез везде, даже в низинах. Радостным синим небесам открылись дети забытого эшелона. Дети лежали в подлесках, в ямах и на холмах. Повсюду белели их рубахи, но мертвых не терзали ни животные, ни птицы, и от них не шло никакого духа.

– Господь приказал зверям не трогать безвинных! – решила Аглая.

Женщины в постиранных и заштопанных платьях, в наглухо повязанных платках сносили легких ребятишек туда, где еще с осени спали под едва заметными бугорками их родные детки.

Валентина за своей землянкой в бомбовой яме нашла маленьких пришельцев, которые на самом дне уткнулись личиками в мох. И заплакала:

– Я буду молиться за вас. Грех на мне – не обогрела тогда! Но видит Бог, не смогла!

Пока женщины копали братскую могилу, Аглая сложила у каждого страдальца на груди руки. И затеплились принесенные ею свечи. И ветер затих, словно боясь задуть их. А женщины иступленно работали день и еще ночь. Утром уже стоял на холме видный издалика крест. Обессилев, могильщицы упали в траву. Они беспробудно спали, а камни уже грели ящериц. И вдали вдруг слышалось звяканье колокольчиков!

На запах жилья неизвестно откуда пришло коровье стадо. Никто не знал, как оказались коровы в этой пустой заброшенной земле, где на многие километры никого из людей не осталось. Исхудавшие животные искололи бока репейником. Придя в себя, женщины ползали с ведрами под коровьими животами, а коровы благодарно мычали, ласковыми глазами разглядывая новых хозяек, крыши землянок и кусты ольшаника за ними, и поляну, на которой давно уже остыли угли того первого, живительного, разожженного знахаркой костра.

А потом стадо спустилось к озерцам и лягушкам и принялось насыщаться молодой травой, и позвякивание колокольчиков вселило в женщин тихую, спокойную уверенность в будущем.

В ведре отнесли они молоко к одинокой землянке Аглаи.

На звуки колокольчиков и мирный дым потянулись бродячие собаки. Тощие, ободранные псы, тоже неизвестно где и как выжившие, скуля, едва волочили к землянкам животы. Радостно встречали и их!

Первым послевоенным летом свершилось еще одно чудо: вернулся в деревню демобилизованный Валентинин муж.

Еще издалека, с дороги, заметил он в траве жилище Аглаи. И, весь в густой теплой пыли, подошел к едва выступавшей крыше. Напуганная живность со стрекотом разлеталась из-под его сапог. Засмеявшись, вернувшийся нагнулся к открытой двери. Спасенная девочка из темноты подняла на него испуганные глаза – он не замечал ее и силился разглядеть старуху. И разглядел наконец.

– Что! – окликнул. – Жива еще, старая плесень. И ведь и я не подох!

Аглая знала ответ:

– Бог не хочет тебя брать!

Вернувшийся расхохотался:

– А ты ведь каркала – сгину.

Он поднес к губам трофейную гармонику и показал все ее звуки.

– Господь не берет тебя, – твердила старуха. – Не нужен ты небесам. И ангелам, и архангелам не нужен со своей беспутной жизнью.

– А что Сатана?

– Да не ты ли слуга самого Рогатого?! Что же о нем расспрашиваешь? В пекле место твое, после того как примет дьявол Гитлера со всей его сворой. До тебя не дошли еще руки!

– Отчего же?

– Больно мелка сошка!

Демобилизованный разозлился:

– Тебя, каргу, пропущу вперед себя, – пообещал. И, плюнув, зашагал прочь от землянки.

Вновь кузнечики избегали тяжелых солдатских кирзачей, а поля и низины слушали гармонику. Он шагал по дороге, огибая болото, а старуха выползла и поспешила напрямик по известной только ей тропке. Острые иглы сухой травы кололи ее босые ступни.

Задышавшись, прокричала Аглая встревожившимся было женщинам, которые копошились возле жилищ, о Безумцевом возвращении. Та к вернулся отпетый гуляка и пьяница – война несколько его не изменила!

Ночью Валентина гладила и ощупывала тело мужа: не было на нем ни одного шрама, ни единой царапины, и было оно свежим и сильным, будто он не с войны явился, а с прогулки – и лишь просоленная гимнастерка и пыльные стоптанные сапоги, и фуражка его со сломанным козырьком говорили о том, что много он походил по земле!

Плача, вспоминала Валентина детей: своих и тех, кого весной отнесла она к могильному холму, и шептала об этом – муж равнодушно слушал. На рассказ ее об ангеле, которого Господь должен послать вперед себя, рассмеялся: «Бабские бредни!»

Он соскучал по женским ласкам. Вот что он приговаривал:

– Давненько не леживал я на бабских сиськах! То-то, славные подушки – бабские титечки. Давненько не ласкал я их, не тискал, не голубил... Ай да славно их приголубить, да приласкать!..

И так, приговаривая, делал свое дело, на которое был мастер. А утром, оставив за спиной обессиленную жену, в одном исподнем возник на пороге землянки. И не беспокоился нисколько о том, что женщины увидят его таким! Он загудел в свою гармонику. А потом достал из сидора флягу, которая оказалась неиссякаемой, и вдоволь наглотался водки.

Собаки, сразу почувствовав в нем хозяина, подбежали и легли возле его ног целой стаей. И когда вновь он заиграл на гармонике, завyli, подняв морды к небу. Безумец хохотал и не отгонял псов – ему лень было их отгонять. Иногда он отрывался от гармоники, пил из своей чудесной фляги и вновь играл, и шурился на солнце, и шевелил босыми пальцами, которые впервые за много дней отдыхали от сапог.

Остальные женщины, когда он вот так вызывающе появился перед ними, ушли далеко за холм на дорогу и стояли там в безнадежном ожидании.

Безумец вновь скрылся в землянке, все еще неуспокоенный и ненасытный. А затем, к вечеру, вновь возник на пороге. Дремавшие возле жилища собаки вскочили от визга гармоники.

Ожидание женщин оказалось бесполезным! Первой очнулась Мария – она была самой спокойной и рассудительной. Она поняла – никому уже больше не суждено вернуться, и первой выплакала все свои слезы.

Был вечер, в озерцах прыгала за мошкой рыба, в камышах шлепали крыльями утки, закат лил на холмы тихий свет. Солнце послало на землю свою последнюю золотую дорожку и, возвращаясь, Мария смотрела на эту золотую лестницу, веря, что по ней поднялся в небо ее бедный муж. Позади трава вдруг подала непривычный шелест. Женщина оглянулась. Ту т же лапа закрыла ей рот и на нее навалилось жаркое сильное тело. Мария увидела густую рыжую шерсть на груди вернувшегося беспутника. Ее понесли в траву, и больше она уже ничего не помнила.

А потом насильник приказал: «Молчи, дура!»

И хмыкнул, довольный.

Вслед за Марией устала ждать рыжая Наталья.

Несколько дней спустя, пробираясь с бельем к воде по топкому берегу, она кинула вперед себя две жердины. Подоткнув платье, осторожно ступала по ним, боясь поскользнуться. Вдруг из глубины озера кругами пошла вода, жердины треснули, Наталья полетела, но цепкие руки, взявшиеся неизвестно откуда, подхватили и понесли охнувшую женщину. Отойдя от испуга, она увидела, кто ее держит, поотбивалась и даже укусила стервеца, но он только хохотал в ответ и нес ее в камыши. Не пришлось ему валить Наталью силой, она, страстная, сама разохотилась и не уступала Безумцу. И тоже оказалась ненасытной: до ночи катались они по глине, сминали камыши и плескались в озерце, но даже холодная вода не смогла их остудить.

Безумцу было мало и Натальи! Рябая маленькая Татьяна собирала в кривых болотных сосенках созревшую голубику. И охнуть не успела! Охотник был похотлив, и не было никаких сил от него отбиться. Когда Татьяна очнулась, вся одежда на ней была изодрана, а мох рядом с тем местом, где он повалил ее, весь был выдран клочьями – так трудился Безумец!

Лишь Агриппа осталась им нетронутой. Она дольше всех прождала на дороге и не при- трагивалась к пище, которую приносили ей женщины. Ждала и в полуденном стрекотании куз- нечников, и в ночных шорохах мышей-полевок. Женщины с тревогой звали ее, опасаясь, что она повредилась в рассудке, но Агриппа словно окаменела.

Ночами вспыхивали светлячки. В полдень ветер гонял по пустой дороге пыль – но никто, кроме везучего бабника, больше не возвратился.

И Агриппа беззвучно плакала.

А Безумец, сделав дело, натешившись со всеми остальными до седьмого пота, весь оста- ток того лета забавлялся гармоникой. Верные собаки, вывалив языки от жары, лежали возле него. Фляга, всегда полная водкой, сколько бы он ни пил из нее, лежала возле.

Чудеса же пошли одно за другим! Так, на холме, на котором после бомбежек все было выжжено и пусто, повсюду вдруг начала пробиваться и вылезать из почерневшей земли густая трава. И росла она на глазах! За нею очнулись спаленные кусты и деревца, вчера еще скорчив- шиеся, мертвые и сухие, сейчас они вырастали, день ото дня набирая силу, покрываясь зеле- нью и уже пряча своей листвой крыши землянок. На ямах и воронках дружно поднялась мать- и-мачеха. А за сорняками потянулись ввысь от земли и яблоньки-дички. Все раскидывалось ветвями во все стороны, буйно цвело и наливалось соками. Вскоре прежде обожженный холм оказался покрыт травой и деревцами, а земля продолжала щедро выпускать на волю спрятан- ные в ней до поры до времени новые побеги. Женщины удивлялись на такое буйное цветение и были даже напуганы. Наконец зелень окончательно спрятала землянки, холм стал далеко виден в болотах, и солнце уже едва пробивало густую листву молодых яблонь. Живность лаяла и мычала в деревьях. Переступали Безумца коровы, пускающие слюни с морд: их колокольца радостно отзывались на гудение гармоники.

Лишь к осени Валентина решила потревожить безмятежного мужа. Он лежал под моло- дыми деревцами и, полусонный, едва оживился на ее легкие шаги.

– Вот-вот полетит дождь и придет голод, что будем есть? – спрашивала женщина то, что должна была спросить. – Мы пропадем!

Теплый день согрел бывшего солдата, собаки дремали возле его ног, и водка была неис- сякаема. Ничего он так и не ответил. И продолжал валяться в траве, лишь вечерами вспоминая о жене. Но стоило только гаснуть последней звезде и в дверную щель начинать пробиваться первой полоске утреннего света, вылезал нежиться на солнышко. И запускал пальцы в густую собачью шерсть – ибо собаки всегда ждали его возле землянки.

Пошли по утрам туманы, низина заволакивалась ими, и казалось, холм плавает посреди облаков. Валентина вновь пристала к беспутному:

– Мы не сможем есть глину! Не сможем щипать листья. Нет наших сил, и будет погибель тому, что от тебя еще и народиться-то не успело.

Безумец пропустил мимо ушей ее тревожные слова.

В третий раз уже все женщины встали над ним в упрямом ожидании – только тогда он неохотно поднялся, натянул гимнастерку и галифе (а так все те дни в одном исподнем по холму расхаживал), схватил фуражку, обмотал отдохнувшие ноги портянками и втиснул их в нена- вистные тяжелые сапоги.

Сам дух его выветрился – будто и не приходил он вовсе!

А когда женщины окончательно уверились в том, что бездельник попросту сбежал от них и от такой беспросветной нищеты, и все, кроме Агриппы, принялись плакать – неожиданно он вернулся. По его виду было видно – он измучился дорогой. Он опустил на землю свой тяжелый мешок и повалился спать под яблоню. И пока он храпел, женщины, боясь поверить счастью,

боясь потревожить его, не прикасались к сидору. Лишь собаки отваживались подползать к спящему хозяину – и преданно лизали его руки.

Валентина терпеливо ожидала пробуждения. Ее согрешившие подруги стояли поодаль и прятали от нее взгляды. Нельзя было уже скрывать плоды летних утех – а понесли от Безумца все четверо. И все смотрели на мешок.

– Там отруби, – шептала Татьяна, не спуская глаз со спасительного сидора – отруби были бы для них счастьем!

– Сухари, – отзывалась Наталья.

– Он разделит все поровну, – твердила Мария.

Та к ждали они, пока не пошел первый осенний дождь и не разбудил ходока. Очнулся он – и первым делом потянулся за флягой – и уж вдоволь нахлебался! Затем он схватил сидор и спустился в низину. Женщины, встревожившись, последовали за ним. А Безумец шагал и оглядывался по сторонам. Остановился он только возле холма, на котором зарастал травой одинокий крест. И недолго раздумывал. Росла возле холма сто лет назад сосна и, развалившись, оставила после себя крепкую еще корягу. Безумец вырвал корягу из земли и на глазах изумленных женщин потянул ее за собой, взрыхляя ее сучьями неподатливую землю. Дерн разлетался во все стороны – такая была у сумасшедшего сила, так вспарывали землю острые сучья! Шатаясь, таскал пьянчуга свой плуг взад-вперед мимо ошеломленных женщин, и Валентина вскрикнула, не сдержав слез:

– Мы умрем! Господь решил так! Он допился – и пашет осенью!

А Безумец тем временем пахал и пахал. И, вспахав поле, развязал мешок – в нем оказалось зерно. Горстями он разбрасывал зерно во все стороны, ругань срывалась с его губ, он запускал в мешок надорванную руку, пока наконец не вытряхнул последние зерна.

– Мы не сможем есть глину! – вскричала рыжая Наталья, поняв, что они обречены на верный голод.

Вслед за остальными разрыдалась и спокойная прежде Мария. А надорвавшийся своей непосильной работой Безумец побрел домой – шаги давались ему с большим трудом.

Женщины думали, что он помрет!

Целыми днями лежал надорвавшийся в землянке, не прикасаясь ни к молоку, ни к моркови и репе – их единственной пище. Аглая сготовила травяной отвар, но Безумец отводил ее руку и лечился одной водкой.

После того, как Безумец засеял осеннее поле, помощи ждать оказалось неоткуда. Снарядили в поход Агриппу, и отправилась женщина в далекий областной центр – так власти впервые узнали, что в этой деревне после войны еще остались живые! Дали ей лишь мешок отрубей и просили продержаться зиму – хоть солому есть. По всей земле в тот год был великий голод.

И вновь вернулся снег, а женщины приготовились умирать! Одним утром Валентина с порога землянки безнадежно смотрела на запорошенные болота. В низине обреченно мычали коровы. Собаки, сбившись стаей, бегали возле жилищ и жалобно скулили, предчувствуя беду.

Вновь просила Валентина прощения у Бога за погибших деток. «Не смогла я уберечь их». И просила Господа за безумного мужа: «Прости его! Всю жизнь свою не ведал он, что и творил!» И еще она попросила Бога побыстрее забрать ее на небеса к деткам, которые ждали ее там. «Видно, не дожидаться мне здесь Твоего ангела!» – вот что молвила со вздохом.

Бросив взгляд на поля, внезапно увидела она, что на том далеком поле, которое засеял ее беспутный муж, в снегу поднялась рожь! Сердце ее забилося.

– Знак! – вскричала Валентина. – Права Аглая! Знак! Знак Господень!

Женщины выбежали на ее крик. И радостно бросились к заколосившемуся полю. Все взяли за серпы. Еще недавно вспоротая целина дала обильное множество хлеба. Попискивали мыши, выскакивая из-под ног срезающих колосья жниц. Те относили снопы и возвращались за

новыми. Рожь была убрана, открылась оголенная земля, которая тотчас была засыпана мелкой снежной крупой. И снег обильно повалил из опустившихся туч, а женщины, позабыв о заметно округлившихся животах, работали до седьмого пота, обтрясая снопы. И наконец заскрипели в землянках жернова – сладкой была скрипучая песня жерновов. Печи донесли снежному небу уже забытый им запах. Женщины перекликались, не находя себе места от радости. Они спрятали в землянках мешки с зерном и уже испекли первые хлеба. Та к свершилось еще одно чудо!

Явилась зима, но она была уже не страшна!

А снег, выпадая в ту зиму на холм, мгновенно таял, словно под землей забили горячие ключи! Яблони так и не сбросили свою листву, и повсюду на холме продолжала расти сочная свежая трава, коровы вдоволь насыщались ею. Собаки лежали под деревьями, и теплая земля грела их животы. У подножия холма теперь постоянно поднимался пар, во все стороны лежала ледяная пустыня, но на маленьком островке, где уместились и землянки, и яблони, было тепло и сухо.

Изредка Агриппа, кутаясь во все отданные ей платки, спускалась к сугробам и насыпала снега в котелки и чашки. И относила в землянки к сонным женщинам, которые часто уже уставали и большей частью времени отдыхали на лежанках: животы их уже походили на маленькие круглые холмики.

А виновник подобных холмов дремал, слушая, как булькает на печке мучная похлебка.

Пришло время и его сыновей!

Первой разродилась Наталья. Агриппа, приняв младенца, объявила о рождении сына. Едва придя в себя, Наталья разыскала глазами скорбную Валентину, которая все глаза уже выплакала – и едва слышно просила прощения. Имя ребенку было дано – Владимир (впоследствии он стал известен под именем Владимира Пьяницы; веселая водка, постоянно бродившая в отце, и буйный нрав матери сделали дело).

Хрупкая Татьяна не смогла разродиться.

В землянку, где над умершей склонились Агриппа с Валентиной, ввалилась Аглая, добравшаяся до селения по пояс в снегу. Лед еще висел у нее на клочьях волос. Аглая ощупывала живот успокоившейся роженицы, бормотала, пыхла и наконец вытащила безжизненное тельце ребенка.

– Он тоже мертв! – горестно воскликнула Агриппа.

Но старуха, сунув младенца в уже остывшую воду котла, шлепала и трясла его. Он безжизненно болтался в ее руках. Рассердившись, Аглая еще сильнее затрясла младенца – и ответом был едва слышный писк. Тусклые глазки взглянули на седую бабку. Еще раз шлепнув по маленькой заднице ожившего мертвеца, Аглая отдала его изумленным женщинам. Та к появился на свет слабенький Владимир Книжник. Его закутали в чистые тряпки и отнесли кормить к Наталье.

Агриппа из найденных досок сколотила гроб. Все собрались в яблонях возле покойницы, даже Безумец, до конца еще не пришедший в себя, выполз. И равнодушно взглянув на ту, виновником смерти которой он невольно был, поковылял обратно к теплой лежанке и заветной фляге. А старуха, обвязав гроб веревками, с помощью Агриппы потащила с холма скорбную ношу к дымящейся черте, за которой были снег, мороз и ледяное безмолвие. Там женщины положили гроб на санки и, проваливаясь в снегу, довели усопшую к могильному холму и оставили до весны.

Смерть на том успокоилась. Вскоре у Марии благополучно родился еще один Безумцев сын – Степан (прозванный в будущем Руководителем).

А Валентина родила Владимира Строителя.

Вернувшаяся весна застала живыми всех сыновей.

Земля окончательно оттаяла, и женщины засобирались на похороны своей подруги. Виновник их недавних страданий, отойдя от болезни, развалился на поляне в тени окрепнувших яблонь, весь в их лепестках, и дул себе в гармонику.

Валентина упрекала мужа:

– Тебе дела нет до нас! Не виноват ты ни в чем!

Болтался привязанный платком к спине ее маленький сынок. Татьянин Владимир пищал у нее на руках. Рыжая Наталья позади нее подняла и показала отцу своего ребеночка – она вновь была здоровой, радостной женщиной, готовой рожать еще и еще.

– Хотя бы не играл на гармошке! – упрашивала Безумца Агриппа. – Нельзя сейчас веселиться!

Он лишь отмахнулся. А женщины спустились в низину и проложили в цветах и траве путь к гробу. Прежде чем взяться за скорбную работу, они постелили в траве платки и опустили на них детей. И Татьянин сынок, равнодушный к мертвой матери, ползал и орал там наравне со своими братьями.

Вскоре был поставлен на могильном холме еще один крест.

Время шло: все сыновья, кроме Книжника, обладали отменным аппетитом.

Ночами Агриппа слышала детское чмокание в соседних землянках. Ей не спалось, часто выходила она ночами на порог своего жилища. И слезы текли помимо ее воли.

Однажды, когда луна закрыла собой половину неба, за землянкой послышался шорох. Агриппа поняла, кто крадется, и откликнулась:

– Убирайся!

– Никто уже не вернется, – подала темнота голос.

– Похабник! – ответила женщина. – Тебе мало жены. Татьяна погибла, но ты и слезы не пролил... И не помог нам. Твои близнецы померли от голода – оплакивал ты их на могилке?

Безумец разозлился и заскрипел зубами:

– Погоди-ка, чертова баба! Грудь твои иссохнут, живот будет болтаться между колен. Кому станешь нужна?

– Не тебе, – твердила Агриппа.

И текли ее слезы.

Безумец еще походил вокруг да около, еще погрозился. Но вынужден был отступить.

Однажды вечером, вернувшись с огорода, Валентина увидела, что из землянки исчезли сидор, гармоника и фляга. Она все поняла, подхватила сопливых Книжника со Строителем и направилась к Натальиному жилью.

Собаки, уже перебежавшие туда вслед за хозяином, грелись на вечернем солнце. Угрожающе рыча, псы вскочили и разделили собой выглянувшего мужа и его жену.

– Что притащилась? – спросил как ни в чем не бывало Безумец.

Глаза Валентины светились слезами.

– Зачем ты мне? – почесывался он, разглядывая ее – измученную, сгорбленную, с двумя детьми на руках.

Агриппа, проходя мимо, не смогла промолчать.

– Возвращайся! – потребовала, взбешенная черствостью его сердца.

Безумец взбесился:

– Помолчи, сучка! Попомни о том, что сказал тебе тогда. Горько еще пожалеешь...

Готов он был пустить в ход кулаки, но Наталья увела перебежчика в свою землянку.

– Мне-то что делать? – обернулась к женщинам. – Коротать одной дни?

Заполучив свое счастье, гордо ходила рыжая по холму, полоскала белье, возилась в огороде и обстирывала, и ублажала Безумца, а он, как и прежде, валялся целыми днями под яблонями, а иногда искал ее, не в силах дотерпеть до ночи. Камыш возле озера весь был смят и повален. И часто Наталья, уже надоив ведро, разливала молоко, когда он подкрадывался и внезапно подхватывал ее. Начинили они здесь же, на пойме, свои бесстыжие игры. И, обессилив, иногда не могли доползти до землянки и засыпали в камышах. Заходился тогда плачем Натальин сынок, заброшенный и забытый в землянке счастливой матерью.

Лишь однажды отец вспомнил о сыне – дал ему облизать палец, смоченный водкой из неиссякаемой фляги.

То жаркое лето повсюду выжгло траву и раскалило сухую землю. И женщинам все труднее было по зловонной жиже подбираться к высыхающим озерцам. Старый колодец был засыпан бомбой, о новом же Безумец и думать не трудился!

Детей не выносили из землянок – внутри жилищ еще оставалась прохлада.

Вялые мошки липли к горячим бокам коров. Подвывали собаки, не в силах выскочить из своих шкур. А пьяный ленивец грыз засохший хлеб.

Он был доволен даже мутной водой из озера. Женщины тщетно просили его о колодце – палец о палец не ударил.

Ангел же так и не приходил – напрасно ждала его Валентина. Напрасно выходила она в то лето к дороге. Лишь ветер гонял по ней пыль.

Под конец невыносимого лета душным вечером вдаль принялись округляться и темнеть облака. Следом за пылью и летящей сухой травой, мрачней на глазах, на холм надвигалась великая туча, и уже глухо забормотало и ярко заблестало над болотами.

Беспечный бабник при первых звуках грома полез было в землянку к Наталье. Но первым же порывом невиданного прежде ветра сорвало и сбросило доски с ветхой крыши. В ключья разорвалось небо – и хлынул настоящий потоп. Наталья, схватив сына, бросилась к выходу. Безумец, отплеываясь, по колено в воде двинулся следом. Все уже сидели на крышах, задыхаясь от дождя, ибо землянки были затоплены буйным ливнем. Матери как могли укрывали детей. Агриппа спасала иконы. Это была настоящая буря; пенящиеся реки огибали холм, подмывая его, и неслись дальше, в дождевой туман. Всю ночь вскипала вода, и сыновья Безумца устали плакать.

Утром по холму прозмеился глубокий овраг. Завязнув в глине, коровы бессильно вскидывали к небу скорбные морды, собаки поскуливали, все еще оглушенные громом. Яблони, согнутые ливнем до земли, упрямо распрямлялись и отряхивали ветви, а в полях уже всю стрекотала мелкая живность.

В Натальиной землянке так и осталась вода.

Добродушная Мария приютила у себя рыжую и ее сына. А Безумец, оставшись без крова, чесал затылок. Ни слова не молвив, вновь исчез с холма.

И когда женщины подумали, что покинуты им навсегда, – вернулся.

Где-то достал он лошадку с телегой и на телеге принялся возить бревна. На холм явился запах соснового леса. Уже не удивлялись женщины той силе, которая вновь проявилась в нем (один он управлялся с тяжелыми бревнами, таская и сваливая их). А потом укатил на телеге и вернулся уже пешком. И вновь отдыхал под яблонями, раскидав в траве онемевшие руки – и вновь никто не посмел его будить. И матери с детьми стояли над спящим.

Проснувшись, схватился он за работу. Смола пятнала траву, и щепной вихрь носился по всему холму – так споро орудовал он топором. И даже ночью, когда уставшие смотреть женщины разошлись, острое железо кланялось послушному дереву. И работал Безумец так, что гимнастерка его не успевала просохнуть.

Вскоре на холме появился первый сруб. Ветер уносил стружку к болотам. Безумец, разведя костер, колдовал над глиной, которую набирал возле озера.

Помогли ему женщины только со стропилами. И вот настал день: печная труба пробила крышу, и деревянный петушок уже сидел на коньке. С новеньких бревенчатых стен сбегала смола. Глина засыхала на вздувшихся руках плотника. Вновь он отправился за мхом и вновь топором помогал себе. Проконопатив жилище, сорвал дверь с Натальиной землянки и приладил ее к новому дому. И сколотил тяжелый и вечный стол. Были также сработаны им лавки и кровать, а затем и люлька для сына – это была единственная его забота о Владимире Пьянице.

Захватив из землянки утварь и тряпки, бросил все на пол новой избы.

Наталья гордо забралась в дом, неся сына, а Безумец отдыхал на пороге. Собаки окружили его и разлеглись на ступеньках соснового крыльца, готовые лизать сапоги.

Наталья стелила кровать и занавешивала икону. Бывший солдат, повернувшись к ней спиной, наблюдал закат. Рыжая ласково позвала его – он даже не шелохнулся.

– Что с тобой? – встревожилась.

Безумец взглянул на ту, с которой еще совсем недавно так ненасытно катался ночами.

– Крыша есть. Чего тебе еще надо?

Схватил флягу, гармонику и перебрался к Марии.

И не показывался из ее землянки, пока Наталья не устала проклинать его и рвать на себе волосы.

Он безбоянно запил и без усталости нежился с новой подружкой. И развлекался так, пока не пролил подобный прежнему ливень и не пронеслась над холмом еще одна буря. Любовники остались без крыши.

Тогда вновь наташил бревен, схватился за топор, и заструилась щепка. И еще одна изба поднялась на холме, выступая высокой крышей из густой яблонево-зелени. Ловко сработал плотник еще одного деревянного петушка.

За холмом же вновь само по себе колосилось ржаное поле – хотя никто к земле в это лето и не прикасался!

А Безумцевы сыновья уже ползали в траве и пытались подняться с колен.

Те же летом в один прекрасный день вдаль показалось пыльное облако. Обогнув хлебное поле, на холм вскарабкался трактор и заглох под яблонями. С машины слез прищелец и расстегнул свою шинель. Был он длинным и худым, на его руках недоставало пальцев. Солдатские башмаки с обмотками дали скрип.

Напрасно обрадовалась было поначалу Валентина, напрасно застучало ее сердце – это тогдашняя власть наконец вспомнила о селении!

Жалость засветилась в скорбных глазах присланного Председателя, когда поглядел он на платья собравшихся женщин и на их помятые ведра:

– Здравствуйте!

Ему приветливо отвечали.

Тогда спросил:

– Нет ли у вас какого-нибудь жилья?

Ему показали на развалившуюся Натальину землянку.

Перетащил он туда нехитрые пожитки и бережно перенес сундучок с книгами.

В тот же вечер, дождавшись дойки, Беспалый (как тут же прозвали его женщины) сам взялся делить молоко. Заметив, что Мария, взяв себе и сыну, еще подставила огромную кружку, сощурился и глянул в свою записную тетрадь:

– Все у меня посчитаны.

– Не все, – замахали руками женщины. – Есть, как и ты, – фронтовик!

– Почему не выходит?

– Спит, – вздыхала Мария. – Да пьет из фляги, будь она неладна!

– А работать будет?

– Нет, – отвечали уверенно дружным хором.

– Калека?

– Да здоров он как боров! – уверили Председателя.

Беспалый тогда отправился к избе, в которой валялся Безумец, но недолго он там пробыл. Появившись на крыльце, разгневанный, тут же приказал бездельнику ничего не отпускать.

Торжество загорелось в Натальиных глазах.

Беспалый принялся расхаживать по холму. Женщины ему поведали – зерна с Безумцева поля не только хватило на зиму, но еще остались излишки, и даже немного зерна погнило.

– Откуда зерно в такой недород? – недоумевал присланный.

Женщины откликались:

– Сами не знаем! Бездельник наш одним мешком засеял осеннее поле – и под самую зиму пошла рожь!

Беспалый уткнулся в привезенные книги:

– Не может и быть такого! Нет на свете никакой чертовщины! Все имеет свое объяснение.

Однако он напрасно листал Маркса.

Поразмыслив же, сказал:

– Как бы там ни было, зерно нам пригодится. Всюду голод. Давайте-ка сюда излишки!

Ему снесли в двух мешках излишки, а оставшееся зерно он разделил поровну между всеми. Узнав, что есть здесь и ребенок без матери, Валентине насыпал пайка побольше.

Агриппа, не выдержав, собрала зерна и ему, и постучала в землянку. В сыром жилище при свече Беспалый склонился над тетрадью, зажимая обрубками пальцев карандаш, и что-то чертил там.

– Странный вы! – сказала ласково Агриппа.

– Я сюда правдой прислан.

– Делаете, как Иисус хотел – все поделить, – пробормотала. – А себе хлеб почему не берете?

– Вам и детям нужнее. А я как-нибудь перебыюсь. Наша власть никого не оставит!

– Да хватит хлеба! И на другой год намолотим.

– Откуда? – вновь озадачился Беспалый.

– Да все от него, окаянного пьянчуги. Не иначе, сам черт помогает проклятому пьянице!

– Не может и быть такого, – твердил Председатель. – По всем законам не может.

Чертил он в тетради планы будущей жизни.

И задумав первым делом построить на краю холма коровник, принялся считать бревна, оставшиеся еще от Безумцева строительства. Он мучался своей беспалостью – руль тракторный еще мог обхватить и зажать карандаш, но вот топор был ему уже заказан. С горечью признался Беспалый Агриппе, что сам готов был бы все сложить и построить, и приблизить будущую жизнь, но вот только рубить коровник ему не под силу!

Председатель завел трактор, приладил к нему мешки с зерном и отправился за помощью в областной центр.

Трясся он на дребезжащем сиденье по дорожному мху. Старуха со своей маленькой спутницей чуть было не оказались под колесами. Коммунист нагнулся с жесткого трона машины и сурово приказал:

– Впредь уходи от мотора. Или ты глухая?

– Божий глас слышу, шума твоего не слышу, – отвечала Аглая.

Он нахмурился:

– Не услышишь шума машины – сгинеешь!

– Сгинеешь ты! – отрезала старуха.

Председатель засмеялся:

– Жмись к обочине, старая. Вскоре повсюду будут моторы... Или не знаешь – навечно уже встала новая жизнь.

– Как встала, так и рассыпется! А безбожник при помощи черта вновь засеет поле. И пить будет, и валяться на холме... Не тебе прогнать его! То под силу лишь Божьему вестнику...

– В бараний рог скручу тунеядца, – пообещал Председатель. – И жизнь налажу такую, какой здесь еще не бывало.

Он похлопал по карману шинели, где была его тетрадь с планами.

– Один Бог может наладить такую жизнь! – упрямо отвечала старуха.

Председатель расхохотался:

– Триста лет, старая, ждать Его! И то не дождешься! Ступай прочь с дороги!

– Сгинеешь, безбожный! – твердила знахарка. – Придет ангел! Что ответишь ему? Как оправдаешься?

– Но! – прикрикнул тогда Председатель. – Раскаркалась! Пропускай мотор!

Старуха, сплюнув, сошла на обочину. И жалась к знахарке спасенная девочка.

Беспалый вскоре вернулся в селение и привез с собой двух тщедушных пьянчужек. Шатались они с похмелья и работали плохо, а под вечер, опустошив весь запас припасенного для них Беспалым дешевого вина, вовсе спеклись. На вопрос Натальи Председатель со вздохом ответил: всех толковых работников повымела война, остались одни никудышные.

– Вроде нашего трутня, – завздыхали женщины.

А горе-плотники прохрапели возле начатого сруба всю ночь. Лишь они протерли глаза, Беспалый встал над ними, но пьянчужки на все его угрозы и уговоры только стонали и тряслись в ознобе. Женщины стыдили их, но все было без толку, жалобно и униженно просили работники достать им вина, готовы были ползать в ногах ради хоть одной живительной капли.

Взгляды женщин обратились на Марию – та все поняла и поспешила в свою избу. Безумец безмятежно посапывал на лежанке, чудесная фляга лежала у изголовья. Осторожно взяв ее и оглядываясь на спящего, Мария наполнила огромную кружку.

Для пропойц Безумцева водка оказалась истинной живой водой. Но кружкой дело не кончилось – тут же, даже не притронувшись к инструменту, поспешили они в избу Марии, а там проснувшийся бездельник им обрадовался и ни в чем не отказал! И никакие уговоры, никакие угрозы не помогали делу: оживали пьянчужки лишь при виде заветной фляги. С утра опохмелившись с Безумцем, кое-как принимались за строительство, но из рук вон плохо работали. А вечерами вновь гуляли со своим благодетелем.

Однако к осени, с грехом пополам, коровник все-таки был сколочен. Горе-плотники наконец отбыли восвояси, измученный борьбой с ними Беспалый торжествовал и показывал на строение:

– Вот первая ласточка будущей жизни!

Агриппа с преданностью смотрела на него и ловила каждое его слово. Дети попискивали на материнских руках. Женщины смотрели в рот удивительному человеку.

Когда наступили холода, лишь усмехнулся Председатель на рассказы о чудесном незамерзании холма. Он повелел завести животных в новый коровник. Звякнуло стадо колокольцами, но безнадежно женщины пытались загнать коров – на все их понукания животные отвечали невиданным упрямством. Несмотря на окрики, ругань и хворостины коровы разбежались по всему холму, а когда женщины их оставили наконец в покое, сонно улеглись под яблонями.

– Ничего, – сказал на это Председатель. – Ударят морозы – холод сам погонит их под навес.

Но когда вернулась зима, холм по-прежнему продолжал оставаться незамерзающим.

– Быть не может такого, – бормотал Беспалый, своими глазами видя, как тает снег и поднимается внизу пар, и трава остается такой же свежей, как и весной. Он заглядывал в книги, но без толку. И вынужден был признаться:

– У Маркса про эту чертовщину ничего не сказано!

Неутомимый, продолжал он упрямо налаживать новую жизнь! И заглянул к отрешенной Валентине.

После того, как муж оставил ее с двумя ребятишками, все чаще и чаще задумывалась над тем несчастная женщина, что поведала ей тогда Аглая, – и ожидала ангела. Часто уже сходила она с холма к пустынной дороге. Женщины шептались между собой, что повредила она в уме. Она твердила себе и подругам, что ангел должен прийти на землю, ведь есть предел любому терпению. И часто слезы показывались в ее глазах.

Навестив ее, Председатель сказал:

– Хочу помочь тебе. Своей властью прикажу бездельнику вернуться!

– Христос мужу судья, – ответила безучастно Валентина.

– Муж должен быть с тобой – тогда все глупые мысли твои исчезнут.

– Так Богу угодно. Я ни в чем его не виню.

– Бездельник твой во всем виноват! – отвечал Председатель упрямо, рассердившись на ее смирение. И решил действовать.

Безумец, увидев возникшего на пороге гостя, махнул своей новой жене – Мария подхватила маленького Степана и послушно исчезла.

А Беспалый сказал:

– Твоя жена измучилась одна с сыновьями. Вернись!

Усмехнувшись на это, хозяин протягивал гостю флягу. И Председатель взорвался:

– Не хочешь жить по-нашему и трудиться, как все, – сгинешь! Вот тебе в этом мое слово.

Созвал он женщин:

– Да гнать его взашей! – крикнула обозленная изменой горячая Наталья.

– Сидеть в лагере тунеядцу! – вторила ей Агриппа.

– На нем Татьяна смерть! – вспомнили и многое принялись вспоминать еще из довоенного прошлого, и вспомнили вдруг, что появился Безумец неизвестно откуда и еще до войны так же кочевряжился, пил и дрался, и был завсегдатаем на всех гулянках – и уж вечно сбивал с пути их честных покойных мужей, а уж сейчас-то, вернувшись, вовсе потерял совесть!

И все удивлялись, как не посадили еще тогда пьяницу и тунеядца.

Председатель после их воспоминаний и жалоб держал речь:

– Погодите, бабоньки! Вскоре и места не будет подобным. Еще немного пройдет времени – и все сами увидите. Обойдемся мы без всяких ангелов и всякой чертовщины. И тунеядец уйдет в небытие вместе со всем отжившим. А мы останемся – да не в землянках, а в чистых светлых дворцах. И не жалкое его поле, а поля наши будут ломиться от хлеба. Даю вам, родные, в этом слово!

– А что с ним-то делать? – спрашивали. – Неужто оставить все как есть?!

– Вот что, – после раздумья отвечал Председатель. – Не буду я сажать его и трогать, хотя бы и мог употребить свою власть. Хочу показать вам, как сама жизнь его уничтожит! А сгинет он по всем ее законам непременно – и вы сами то увидите!

Жалкое поле тем временем само наколосило зерна и в ту осень.

Снег завалил землю вокруг холма, но холм по-прежнему был покрыт зеленью, и коровник, построенный с таким трудом и нервами, по-прежнему пустовал. Оставив коров в покое, Беспалый повелел собрать все зерно и в пустовавшей землянке Марии закрыл мешки, решив раздавать запас поровну между всеми.

По холму Беспалый вместе с Агриппой понавбивали колья, отмечая места будущих домов и главную улицу будущего селения. Принялся было вздыхать Председатель, что некому воплотить все его замыслы – и словно кто-то услышал его сетования! В деревню пожаловали неожиданные гости.

Возле холма остановились сани, и были на траву перетащены пожитки. Посреди деревьев вырос шалаш. На вопрос Беспалого прибывший сюда с бабенкой и двумя малыми дочушками мужичок отвечал, что они прибыли издалека, погорельцы, и решили здесь как-нибудь переждать зиму.

И взвился дымок костра, а кобылка, едва дотацившая сани до холма, взялась нагуливать бока, пасясь вместе с коровами. Мужичок, назвавшийся Лисенком – и впрямь шустрый и маленький, – ощупывал яблони, трогал сочную траву, цокая от изумления языком.

Следом за ним, словно сговорившись, начали прибывать другие поселенцы, непонятно от кого прослышавшие о чудесном месте. И все прибывшие твердили Председателю, что убегают от голода и желают здесь, в тепле, отсидеться хотя бы зиму.

С собой наташили они бревен и досок и не мешкая взялись за топоры, пилы и рубанки, возводя временные жилища. Беспалый, придя в полное изумление от быстроты, с которой набежавшие на холм мужички строили и пилили, утешал одним и себя, и верную Агриппу: «Вот и руки для всех моих начинаний».

Пришлось выдавать им из запасов зерно, и Председатель с тревогой ожидал, что запасы быстро закончатся, – однако дряхлые, готовые порваться мешки были бездонны, и, сколько он ни черпал, зерна каким-то непонятным образом не убавлялось.

Зима была лютой, но вреда никому не причинила: все живое вскарабкалось на холм, чужой скот бродил в яблонях, новые собаки, прибежавшие с поселенцами, грызлись с Безумцевыми псами. И всем хватило и травы, и муки!

В ту зиму у Натальи родился еще один сын – Владимир Музыкант. Был он с рождения горластым, вопил не переставая и совершенно измучил свою мать.

Весной Безумца разбудили собачьи свадьбы – лай и грызня слышались то и дело, и собачья шерсть летела клочьями.

Хозяин впервые за все то время показался на пороге и лениво взглянул на изменившуюся жизнь – ибо повсюду уже сновали люди и животные. Стоял он босиком и шевелил босыми пальцами.

Повсюду был уже цвет яблонь, и лягушки в низинах орали так громко, что заглушали птичье пение.

А по всему холму стучали топоры и визжали пилы: поселенцы, и не думая покидать столь благодатное место, взялись за постройки. Но до тех пор неистово трудились мужички, пока не увидели наблюдающего за ними беспечного старожилы. Заметив у него флягу, к которой он с удовольствием прикладывался, как-то все разом они сникли, и работа замедлилась.

Вскоре принялись прежде усердные работники поочередно заглядывать в избу Марии. Агриппа учуяла пьяных и донесла Председателю. Изба же, в которой отлеживался хозяин,

гудела теперь с утра до ночи. Заливалась гармоника, а фляга не вычерпывалась. Работнички уже валились с его крыльца, их языки вязались. Завидев Беспалого, они прятали ковши и кружки. Забегали жены поселенцев, холм огласился женским плачем и руганью, жены таскали мужей за волосы – но без толку. А Мария теперь и не знала, куда деваться с малым Степаном – пили в избе не просыхая!

– Погубит он нам все зачинания! – сказала Агриппа Беспалому. – Какие там руки, какое там будущее... Споит чисто весь народ! Вот окаянный. Горько мало ему...

Беспалый после тех слов раздумывал недолго. Явился в избу и одним своим появлением успокоил гармонику. Сидящие возле Безумца собутыльники, увидев его свирепость, подались кто куда. Но сам хозяин безбоязненно щурился на представителя власти.

Был Председатель на сей раз беспощаден:

– Убирайся к чертовой матери, иначе сгниешь на нарах. Я тебе десять лет устрою – без права передачи!

Безумец, ни слова не сказав охнувшей Марии, побросал в сидор флягу и гармонику и спустился с крыльца.

Шагал он по холму, не замечая Беспалого, – тот тоже старался его уже не замечать. Председатель разыскивал упавшие и затоптанные колья, которые переселенцы, обустроивая себя, как-то незаметно снесли и затоптали, и намеревался вновь разметить и места будущих домов, и главную улицу. Новые обитатели холма устали от ухода с нескрываемым сожалением, но молчали, побаиваясь власти.

Перед тем как навсегда покинуть холм, толкнул Безумец дверь Валентиновой землянки. Двое светловолосых его сыновей скребли ложками в котелке. Валентина отрешенно взглянула на беспутного мужа.

Ничего Безумец не молвил ей на прощание.

А ангел так и не появлялся.

Женщины, занятые повседневной суетой, недолго вздыхали по ушедшему любовнику – доставил он им больше слез, чем радости.

Они немного поплакали – и помирились друг с дружкой, и занялись огородами, стиркой да дойкой коров.

Беспалый собрал население возле Натальиной избы и обратился с крыльца:

– Даю вам лето на обустройство, а затем возьмемся за общую работу.

И показывал свои планы по переустройству жизни.

– Добро! – принялись кричать ему мужички. – А то, как не построить?!

Взревел трактор Беспалого, засыхали по краям вспаханных полей вырванные с корнями подлески, птицы заматались над распаханными полями. И первым делом Беспалый перепахал Безумцево поле!

Власть снабдила селение зерном. Охрипший, вышагивал Беспалый по своим полям, все чего-то измеряя, прикидывая и о чем-то мечтая. Агриппа превратилась в его верную тень – всюду теперь следовала за ним. Она сильно изменилась за то время: даже свои икону с Библией отдала Валентине.

И холм теперь изменился: повсюду в яблонях стояли сараи и белели новые срубы, поселенцы разводили огороды и вновь потихоньку выдергивали Беспаловы колья, возводя свои плетни и ограды. Пока Председатель был занят севом, нахватили они себе земли кто сколько мог, и бабы их постоянно друг с дружкой по этому поводу грызлись и лаялись не хуже собак.

А Безумцевы сыновья вместе с другими детишками беспечно носились по разросшейся деревне, не помня чужого им отца. Лишь его собаки всполошились после его ухода. Скуля, заматались по холму и после ночи тоскливого воя сбились в стаю и разом куда-то исчезли.

Жизнь пошла своим чередом.

Слабенький Книжник сильно в детстве болел. Когда стал он совсем плох, в селение явилась Аглая; в берестяном коробе за плечами принесла она собранные травы и принялась готовить лекарственное зелье.

Валентина сквозь слезы спросила ее, где ангел.

Сурово отвечала старуха:

– Терпи, доча. И жди!

Беспалый, узнав о приходе знахарки, тотчас заглянул в землянку и прогнал ее:

– Что суешь свои сорняки? Что, не найду я больному ребенку врача? Иди отсюда, и чтобы духом твоим больше здесь не пахло!

Он действительно в область отправился, но врача в областном центре не отыскал, зато местный фельдшер отсыпал ему горсть таблеток – с этой горстью Беспалый и прибыл назад, и хвастался:

– Никому не даст пропасть наша власть!

Агриппа с радостью ему поддакивала.

Удивительно, но Книжник выжил, и коммунист ликовал!

Однажды, из-за своей великой занятости, отправил он по делам в область вместо себя того самого первого поселенца Лисенка.

Вечером третьего дня вернулась кобылка с пустой телегой. Лисенковская баба взывала, все встревожились и собрались было на поиски, но хозяин телеги вскоре явился следом. Женщины вынуждены были отвернуться от бесстыдного зрелища – был Лисенок в одном исподнем и за версту несло от него водкой.

Повинуясь строгому оклику Беспалого, посланец очнулся и, сбиваясь и путаясь, рассказал наконец, в чем дело и почему до центра он так и не добрался. От Лисенка и узнал Беспалый, что его идейный враг ушел недалеко, за озерцо. Там Безумец на одном из холмов срубил себе избу, и уже раскинулся его сад, и неизвестно откуда появилось ржаное поле.

Лисенок также поведал, что на Безумцев костер поднимаются забредшие в эти края путники и шоферы случайных полуторок, а хозяин встречает их под яблонями со своей проклятой флягой. И многие не в силах отказаться: пьют и гуляют, и падают там же, в траве, и валяются в саду целыми днями, и бродят между ними Безумцевы собаки. А сам бездельник пьян и доволен, и его водка не иссякает.

Беспалый смолчал на это, многому все-таки не поверив.

С надеждой он ждал своего урожая! Но на огромную область в тот год свалилась небывалая засуха, и повсюду, словно пустыня, пустила трещины. Не пролилось за все лето ни одного дождя, ветер поднимал лишь облака пыли.

С тревогой пропадал Беспалый на засеянных полях. А поселенцы тихо прирезали под свои огороды все новые куски земли, и их топоры не утомлялись – вырастали новые хлева и сарайчики. Довольные бабенки выглядывали из окон изб. И вот уже побежала к дороге улица, кривая и пыльная, огороженная плетнями и заборами, за которыми надрывались на привязи злые псы. И купались в дорожной пыли Безумцевы сыновья, целыми днями предоставленные сами себе.

Великая жара не спадала. Беспалый, ошав от такой неожиданной и подлой природной напасти, начисто забыл о выгнанном тунеядце. И не вспоминал о нем, пока еще один мужик, отправленный Председателем в центр с поручением, не притащился в селение, напившись до пороссячьего визга.

И на это еще смолчал Председатель – у него о другом болела голова. Но вскоре и остальные поселенцы принялись по ночам исчезать с холма, а обратно возвращались чуть ли не на четвереньках. Всем было известно, куда они бегали. Агриппа их стыдила, встревоженные жены

задергали Председателя, умоляя его утихомирить разгулявшихся мужей и наказать пьяницу!
И Беспалый не выдержал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.